

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Анатолий КВАСОВ:

«Отдаваться песне всей душой»

Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР Анатолий Николаевич Квасов уже пятнадцать лет руководит Государственным ансамблем песни и пляски донских казаков, который пользуется заслуженной популярностью как у нас в стране, так и за ее пределами. В репертуаре ансамбля различные по характеру песни, пляски, целые обрядовые сцены из жизни донских казаков, записанные

прямо в станицах и хуторах Дона. Квасов сам собирает народные песни, внимательно следит за эволюцией народного творчества, в частности музыкального фольклора. Мы попросили его поделиться некоторыми соображениями относительно волнующей сегодня многих проблемы сбережения богатейшего нашего достояния — русской народной песни.

— Анатолий Николаевич! В наши дни во всем мире наблюдается большой интерес к фольклору, к народной песне. Появились собиратели, которые снаряжают целые экспедиции за песней. Чем вы объясняете этот возросший интерес к народному творчеству?

— Что касается собирателей, они были всегда. Вспомним друга и современника Пушкина — Петра Васильевича Киреевского, который знал, к примеру, как в Москве поют на Плющихе, а как на Воробьевых горах. Николай Андреевич Римский-Корсаков записывал песни с голоса москвича Т. И. Филиппова, сам выпустил несколько сборников русских народных песен. А возьмем Петра Ильича Чайковского — всюду, где бы он ни был, жадно вслушивался, как и что поет народ. Помните финал Первого фортепьянного концерта, где звучит, переливается всеми красками «Веснянка», подслушанная композитором на Украине? И как звучит — так и видишь настоящее народное веселье. Вообще в симфониях Чайковского, в его операх, балетах народная песня не просто узнаваема, она живет полнокровно, свободно, ничуть не стесняемая рамками классической музыкальной формы. И если бы Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Глинка не обратились к народной песне, у нас бы не было богатейшей оперной и симфонической культуры. Недаром Глинка сказал, что музыку создает народ, мы же, композиторы, ее только аранжируем.

Что касается сегодняшнего интереса к народному творчеству, прежде всего к народной песне, я думаю, возник он оттого, что мы перенасытились, устали от потока всевозможной музыкальной информации, хлынувшей буквально со всех континентов. Поначалу нам было очень интересно — и в этом я не усматриваю ничего предосудительного. Однако год за годом, что называется, внемля чужим мелодиям и ритмам, мы вдруг спохватились, что наши-то не хуже, а во многом даже лучше. Нам вдруг захотелось искренности, простоты, наши уши устали от шума, истосковались по тишине, покою, наконец, надоел вечный надрызг, излом. В народной же песне, прежде всего в русской, столько прочности, столько душевного здоровья... Вот и пошли снова в народ за песнями. А там, к счастью, не оскудела сокровищница.

— А кто же все-таки первым ощутил усталость от «привозной» музыки? Слушатели, музыканты?

— Думаю, и те, и другие. Естественно, музыковеды, фольклористы, те просто чувствовали жгучую тревогу оттого, что может исчезнуть с лица земли наше исконное богатство — народная песня. Александр Александрович Юрлов организовал в Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных отделение руководителей народных хоров. Это было в 1966 году. Дело в том, что существовавшие до того времени народные хоры исполняли авторские, то есть профессиональные песни, которые, за редким исключением, потеряли всякую связь с фольклором, а поэтому стали однообразными, неинтересными. На хоры просто перестали ходить люди. Я не говорю о таких композиторах, как Владимир Григорьевич Захаров, который, кстати, окончил Донскую консерваторию по классу композиции. Это был выдающийся знаток русского народного искусства. Его песни хоть и отличаются от исконно крестьянских, тем не менее интонационно они очень родственны им. Но это единичный случай. В общем, наступил момент, когда надоела подделка, фальшивка, захотелось естественного, натурального.

— В нашей стране, наверное, существует институт, занимающийся изучением фольклора?

— К стыду сказать, такого института у нас пока нет, хотя подобные институты существуют почти во всех странах мира, их деятельность плодотворна. Я думаю, что мы позволяем себе бездумное расточительство по отношению к нашему фольклору, считая, что его кладовая не иссякнет никогда. Правда, есть у нас ученые-фольклористы, и очень серьезные. Но каждый работает обособленно, имеет свои взгляды, мнения, суждения, одним словом, представляет собой неприступную крепость. У нас даже не существует общей терминологии, так что, встречаясь, мы часто друг друга не понимаем.

— Но ведь в наше время, очевидно, народная песня, слагаясь, как известно, по следам реальных событий и живущая в реальной обстановке, претерпела значительные изменения, в чем-то сама «осовременилась».

— Безусловно. Вы знаете, я, художник-любитель, часто хожу на всевозможные выставки. Самый большой восторг вызывают у меня палехские народные росписи. Поразительно, насколько палехские целны в своем творчестве, прошлое у них естественно и гармонично, без всяких натул, переходит в настоящее и даже в будущее. Когда появились их буденовцы в шлемах, поначалу это показалось странным, может, даже резануло глаз. Теперь же видишь, что и это прекрасно, потому что художники сохранили светлый, незамутненный взгляд на жизнь. Их нынешние герои и космос завоевывают, и трудовые победы одерживают, а все равно остаются добрыми, мудрыми, человечными, как и сказочные витязи, царевичи. А мы вот долгое время уповали на авторские песни, отвернулись от песни народной и, к сожалению, могли упустить из виду какое-то звено в развитии народного фольклора.

— Как вы считаете, удастся ли современным композиторам-профессионалам, создающим оперную, симфоническую музыку, найти такое же «почетное» место для народной мелодии, как это удавалось Глинке, Чайковскому?

— Боюсь показаться категоричным, однако мне кажется, что не удастся. Более того, если наши композиторы обращаются к народной песне, то в большинстве случаев обращаются с ней варварски. Я понимаю, очень заманчиво использовать народную мелодию, ибо в ней всегда есть

душа. Но чтобы душа не умерла, с песней нужно обращаться умело, бережно, то есть учитывать ладовую культуру, хорошо знать народную партитуру, весь строй интонационной ритмики. Одним словом, не выхивать песню руки и ноги в угоду своим целям.

— Как вы думаете, почему так происходит?

— Да потому, что у нас плохо знают народную песню, ею фактически не занимаются в консерваториях. За семестр студент должен расшифровать четыре-пять песен, а за все время учебы дай-то бог, чтобы он 20 песен расшифровал. Это капля в море. Правда, сейчас стали ездить в экспедиции за песнями, на этом даже диссертации делают, однако все это построено на одном лишь энтузиазме. Нынешний курс композиции не предполагает большого количества расшифровок. Хотя, мне кажется, каждый будущий композитор должен собрать свой сборник народных песен, чтоб это было вроде дипломной работы.

— Вам не показалось, что помощи людям вообще стало мало? На них подчас даже смотрят носо. Может, виновато радио, телевидение, предполагающие одностороннее общение с песней?

— Не знаю, кто в этом виноват, но только глубоко убежден, что для того, чтобы понять песню, ее нужно спеть самому. И петь не развлечения ради и не ради того, чтоб убить время — музыка никогда не может быть развлечением. Постигание музыки, песни — огромный труд, требующий напряжения духовных сил. Народ пел и поет потому, что не может не петь. Помню, мальчишкой я жил в станице. Трудное было время — военное, голодное, холодное. Не было света, радио, зато были гармошки, балалайки. Вечера не проходило, чтоб не собрались, не спели. Уверен, и песня тоже помогла выдохнуть лихолетье. И народная, и хорошая авторская — в войну, кстати, хороших песен было написано немало. А вот закончилась война, заголубело над нами чистое небо, и облепились мы душой...

— Я помню, Чайковский сказал, что красота в музыке состоит не в нагромождении эффектов и гармонических нурьев, а в простоте и естественности...

— Потому он и обращался на протяжении всей своей жизни к народной песне, учаю у нее и простоте, и естественности. Бальзак, кажется, заметил, что архитектура — выразительница нравов. А я бы сказал, и песня тоже. Народная песня. Это прекрасно понимал Михаил Александрович Шолохов, большой знаток донской казачьей песни. Еще не до конца, мне кажется, изучена роль песен в романе «Тихий Дон», а ведь они все к месту, все «поются».

Помню, приехали мы всем ансамблем к Шолохову в Вешенскую. Кажется, это было в 1971 году, после нашего успеха на фестивале искусств «Русская зима». Там всех поразило, что мы поем, как в станице поют. В Вешенской клуб тогда был небольшой, поместились далеко не все, попросили окна раскрыть. Народу на улице столпилось — тысячи. Наши артисты волновались: ведь на Верхнем Дону особенно знают толк в песне, поют дивно. Много было споров после концерта, хотя понравилось, как мы поем. Михаил Александрович сказал тогда: «Крепко держитесь за народные песни». Помню, каждый раз, когда я привозил Шолохову пленку с записями новых песен, он послушает внимательно, совет даст ненавязчивый. И всегда просит оставить

пленку. Сам Шолохов хорошо пел, уметь отдаваться песне всей душой...

— Шолохов считал, что песня — это не писаная, а спелая история народа.

— А тот, кто историю забыл, кто отворачивается от нее, никогда не станет настоящим патриотом. Мы часто недооцениваем значение народной песни в воспитании патриотического чувства, забываем, что песня внушает гордость за отчий край...

— Сейчас создано много фольклорных групп. Одни «осовременивают» песню, другие, напротив, сохраняют все так, как записали в станице. Как все-таки надо петь?

— Так, как пел и поет народ. Подражание всегда вторично. Мне нравится ансамбль Дмитрия Покровского, однако кое в чем они доходят до фанатизма. Кашляют, притыхают, как это делал дед, от которого они записали песню. А ведь тот же дед 20—30 лет назад пел иначе. Конечно, есть в таком исполнении колорит, сюжет даже. Однако петь чужим голосом не следует. Народ поет своим. К тому же можно быстро стать профнепригодным.

Ну, мне, к примеру, нравится, как пел казак Константиновской станицы Ставропольского края Зацепилин. Он специально прижимал связки, чтобы получался плоский звук. Не значит же это, что народный хор должен ориентироваться на такую постановку голоса. Кстати, у нас в ансамбле все поют своими голосами, не форсируют звук, не было случая, чтобы кто-то потерял голос. А еще поем степенно, обращая внимание на слоговую дикцию, никогда не спешим, не веселим специально публику. Это отмечали и в наших зарубежных поездках.

— Им, кажется, сопутствовал успех.

— Народной песне всегда и везде сопутствует успех. Ей даже перевод не нужен — слушатели понимают, о чем поется. Десять лет назад мы исколесили всю Америку вдоль и поперек. Должны были в заключение дать три концерта в Нью-Йорке, в Карнеги-холле, на которые все до единого билеты были раскуплены заранее. Но там кое-кто испугался нашей народной песни. Сионисты грозились бомбу подложить, госдепартамент настоял, чтобы концерты отменили. Простые американцы были очень расстроены. Конечно, жаль, что не дали нам спеть в Карнеги-холле, однако думаешь невольно: и сильна же ты, песня русская, казачья. Так сильна, что недруги готовы тебя взорвать, стереть с лица земли. Но это единственный случай. Везде нас понимают, идут охотно на наши концерты. Вот недавно мы дали пять концертов в Белграде, на которых побывало в общей сложности около тридцати тысяч человек. В Бельгии хорошо встречали, в Корее, Греции, Японии...

— Значит, не умерла народная песня, ей всемогуще, она воспламеняет сердца. Вы верите в то, что песня жить вечно?

— Верю. И сделаю все от меня зависящее, чтобы это случилось. Разрешите процитировать по этому поводу Стасова: «Русский народ — один из самых музыкальных во всем мире. Он славился этим с глубокой древности. Сквозь все столетия русский народ, в этом отношении непотребимый и непотрясаемый, пронес свою народную песню».

И пускай несет ее в будущее.

Вела беседу
Наталья КАЛИНИНА
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Артисты хора на Дону.